

MIRZAYEV FARXOD DAVLATBEKOVICH

Узбекский государственный университет мировых языков

Независимый исследователь

E-mail: farhodmirzo85@gmail.com

Ташкент, Узбекистан

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ

КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ НЕМЕЦКОГО И УЗБЕКСКОГО

ЯЗЫКОВ

Sentyabr
2026

Annotatsiya: Mazkur maqolada nemis va o'zbek tillaridagi kriminologik leksikaning lingvistik va kognitiv xususiyatlari yoritilgan. Nomlanishlarning yasash usullari, ular ifodalaydigan tushunchalar hajmi hamda ularni tushunish uchun zarur bilimlar tahlil qilingan. Ikki tildagi tashqi jihatdan o'xshash terminlarning mazmunan mos kelmaydigan holatlari alohida ko'rib chiqilgan. Tillararo tafovutlarning uch turi, ya'ni tuzilmaviy, normativ va operatsional turlari ajratilgan. Kriminologik terminlarning ekvivalentligi ular qo'llanadigan huquqiy va tadqiqot kontekstini hisobga olgandagina belgilanishi mumkinligi asoslangan. **Kalit so'zlar:** kriminologik leksika, nemis tili, o'zbek tili, termin, so'z yasalishi, ekvivalentlik, freym, huquqiy kategoriyalash, tadqiqot ko'rsatkichi.

September
2026

Abstract: The paper examines linguistic and cognitive features of criminological vocabulary in German and Uzbek. It analyses how the terms are formed, the scope of the concepts they denote, and the knowledge required to understand them. It also considers cases in which outwardly similar terms in the two languages differ in content. Three types of cross-linguistic divergence are identified: structural, normative, and operational. The analysis shows that the equivalence of criminological terms can be established only with regard to the legal and research context in which they are used.

Keywords: criminological vocabulary, German, Uzbek, term, word formation, equivalence, frame, legal categorization, research indicator.

Введение. Сопоставление криминологической лексики немецкого и узбекского языков требует разграничения трёх вопросов: **как образовано наименование, какое понятие оно обозначает и какие знания необходимы для его понимания.** Эти вопросы взаимосвязаны, однако ответ на один из них не заменяет ответов на остальные. Различие между сложным словом и словосочетанием само по себе не свидетельствует о различии понятий, а сходный перевод правовых терминов ещё не подтверждает совпадения их нормативного содержания.

В терминоведении Х. Дадабоев рассматривает научную лексику в связи с общеязыковыми средствами номинации и подчёркивает системную обусловленность значения термина [1, с. 5-6]. Для анализа юридической семантики важен подход Д. Буссе, который связывает понимание правового понятия с реконструкцией относящихся к нему структур знания [2, с. 17-20 электронной авторской версии]. В работе Н. Н. Болдырева языковое значение рассматривается через процессы концептуализации, категоризации и интерпретации знания [3, с. 11-14]. Эти положения позволяют сопоставлять не только внешнюю форму терминов, но и основания их употребления. При этом они не дают оснований выводить особенности мышления носителей языка непосредственно из строения отдельных слов.

Цель работы состоит в выявлении структурных и понятийных расхождений между отдельными немецкими и узбекскими единицами, используемыми в описании преступности.

Методология исследования. Материал составляют наименования из Уголовного кодекса Республики Узбекистан, Закона Республики Узбекистан «О профилактике правонарушений», Уголовного кодекса Германии, а также материалов исследования Федерального ведомства уголовной полиции Германии «Sicherheit und Kriminalität in Deutschland» [4-8]. Узбекские единицы из источников на кириллице переданы латиницей. Для немецких исследовательских терминов, не имеющих установленного в рассмотренных источниках узбекского соответствия, предлагается авторская описательная передача.

Материал отобран по трём тематическим группам: обозначения преступных деяний, профилактика и виктимизация, восприятие преступности и её учёт. Применяются словообразовательный и компонентный анализ, сопоставление нормативных определений и элементы фреймового описания. Исследование не является частотным или репрезентативным корпусным обследованием. Поэтому выводы относятся к рассмотренным примерам. Распространённость моделей во всей терминологии двух языков здесь не устанавливается.

Рабочее разграничение материала основано на функции единицы в конкретном источнике. Термины *Kriminalitätsfurcht* и *Anzeigeverhalten* обозначают соответственно страх перед преступностью и поведение,

связанное с сообщением о преступлении. В программе исследования SKiD они относятся к предметам эмпирического изучения [7, раздел «Studie»]. Напротив, *Diebstahl*, *Raub*, *o'g'rilik*, *talonchilik* и *bosqinchilik* обозначают уголовно-правовые категории. Они входят в материал исследования, потому что правовая квалификация задаёт одну из основ группировки преступлений. Использование этих наименований в криминологическом тексте не устраняет их исходной нормативной функции.

Граница между исследовательским и нормативным употреблением при этом не абсолютна. Выражение *huquqbuzarliklarning viktimologik profilaktikasi* закреплено в статье 43 Закона Республики Узбекистан «О профилактике правонарушений». Его содержание связано с деятельностью, направленной на уменьшение риска превращения лица в потерпевшего [5, ст. 43]. Следовательно, понятие, значимое для виктимологии и профилактики, может одновременно иметь законодательное определение. Принадлежность единицы к криминологической лексике нельзя устанавливать только по наличию или отсутствию её в законе.

Анализ и результаты. Структурная асимметрия наименований проявляется в паре *Kriminalitätsfurcht* и предлагаемом соответствии *jinoatchilikdan qo'rqish*. В немецком сложном слове компоненты *Kriminalität* и *Furcht* соединены внутри одной лексической единицы. В узбекском сочетании связь между объектом страха и состоянием субъекта выражается отдельными словами и грамматическим оформлением зависимого компонента. Обе конструкции позволяют назвать сопоставимое содержание. Отсутствие однословного узбекского обозначения в рассмотренном материале поэтому не следует квалифицировать как отсутствие самого понятия или невозможность его перевода.

Узбекская цепочка *jinoyat* → *jinoatchi* → *jinoatchilik* иллюстрирует возможности аффиксации, однако она не исчерпывает способов образования отраслевых единиц. Сочетания *jinoatlarning oldini olish* и *huquqbuzarliklarning viktimologik profilaktikasi* показывают участие синтаксических средств. В немецком правовом тексте также используется словосочетание *fremde bewegliche Sache*, обозначающее чужую движимую вещь в § 242 Уголовного кодекса Германии [6, § 242]. Поэтому противопоставление «немецкий язык сложных слов» и «узбекский язык словосочетаний» слишком жёстко. Корректнее говорить о различии конкретных способов номинации, а не об исключительном использовании одной модели каждым языком.

Более заметные расхождения возникают при сопоставлении понятий. В статье 169 Уголовного кодекса Республики Узбекистан *o'g'rilik* определяется через тайное хищение чужого имущества, тогда как статья 166 связывает *talonchilik* с открытым хищением [4, ст. 166, 169]. В формулировке § 242 Уголовного кодекса Германии признак тайности не указан. Значение *Diebstahl* раскрывается через изъятие чужой движимой вещи с намерением

противоправного присвоения её себе или третьему лицу [6, § 242]. На уровне сопоставляемых законодательных формулировок пара *Diebstahl* va o'g'rilik не обеспечивает полного совпадения признаков. Перевод передаёт близкую категорию, но при анализе её правовых границ требует уточнения.

Пара *Raub* va *bosqinchilik* также требует проверки определений. Немецкая норма указывает на изъятие вещи с насилием против лица либо с угрозой наличной опасности для жизни или физической неприкосновенности. Узбекское определение *bosqinchilik* включает нападение с целью хищения, сопряжённое с насилием, опасным для жизни или здоровья, либо угрозой такого насилия [6, § 249; 4, ст. 164]. Уже текст норм показывает различие в наборе явно выраженных признаков. При этом *talonchilik* нельзя определять как хищение, всегда совершаемое без насилия. Пункт «а» части второй статьи 166 предусматривает насилие, не опасное для жизни и здоровья, или угрозу его применения [4, ст. 166, ч. 2]. Схема «два немецких термина против трёх узбекских» скрывает эти содержательные различия и не заменяет сопоставления составов.

Для когнитивного описания данного фрагмента предлагается ограниченная модель ситуации завладения чужим имуществом. В ней выделяются действующее лицо, предмет, действие, способ совершения и цель. Это аналитические позиции, выбранные для сопоставления конкретных норм, а не установленная универсальная структура преступления. В определении *Diebstahl* непосредственно выражены признаки предмета, действия и намерения. В формулировках o'g'rilik и *talonchilik* различительным признаком выступает способ совершения: тайный либо открытый. Другие элементы правового содержания могут раскрываться в Общей части кодекса и при толковании. Фреймовый подход здесь помогает установить, где именно выражен значимый признак и какие сведения приходится восстанавливать из более широкого контекста.

Иную структуру знания активируют собственно криминологические исследовательские термины. Для интерпретации *Kriminalitätsfurcht* необходимо соотнести субъекта переживания, предполагаемую угрозу и условия, в которых изучается страх. Само слово не сообщает, каким вопросом анкеты выявляется это состояние и как разграничиваются эмоциональная реакция и оценка риска. Поэтому авторская передача *jinoatchilikdan qo'rqish* сохраняет общее содержание наименования, но не заменяет определения исследуемой переменной. В данном случае различие длины немецкой и узбекской форм менее существенно, чем совпадение исследовательской процедуры.

Это видно на примере *Anzeigequote*. В глоссарии SKiD термин обозначает соотношение сообщённых полиции случаев виктимизации и общего числа таких случаев. *Anzeigeneigung* рассчитывается на уровне отдельного лица, что отличает её от агрегированного показателя *Anzeigequote*

[8, разделы 1-2]. Для первого термина в рассматриваемом контексте можно предложить описательный перевод *politsiyaga xabar qilingan jabrlanish holatlarining jami jabrlanish holatlaridagi ulushi*. Такая передача разворачивает содержание немецкого сложного слова, но сохраняет существенные отношения: что учитывается, кому сообщается и с какой совокупностью сопоставляется число сообщений. Предлагаемый вариант является переводческим решением, а не утверждением о закреплённом узбекском термине.

В данном примере фрейм исследовательского показателя включает учитываемое событие, факт сообщения, адресата сообщения и базу расчёта. Замена базы расчёта меняет содержание показателя даже при сохранении его названия. Поэтому межъязыковая эквивалентность в эмпирической криминологии зависит не только от словарного значения, но и от операционального определения. Перевод, который сохраняет понятную словесную форму, но теряет способ расчёта, недостаточен для сопоставления результатов исследований.

Правовая категоризация представляет отдельный уровень анализа. В § 12 Уголовного кодекса Германии разграничение *Verbrechen* и *Vergehen* связано с установленным законом минимальным наказанием. Для первой категории предусмотрен минимум в один год лишения свободы или более, а для второй минимальная граница ниже либо предусмотрен штраф. Специальное правило части третьей определяет, какие усиления и смягчения при таком делении не учитываются [6, § 12]. В статье 15 Уголовного кодекса Республики Узбекистан выделены четыре категории: *ijtimoiy xavfi katta bo'lmagan*, *uncha og'ir bo'lmagan*, *og'ir* и *o'ta og'ir jinoyatlar*. Классификация конкретизируется через форму вины и предусмотренные законом пределы наказания [4, ст. 15].

Разное число категорий нельзя объяснять склонностью немецкого языка к словосложению, а узбекского языка к аналитическим наименованиям. Здесь сопоставляются результаты законодательной классификации, выраженные средствами двух языков. Однословное *Verbrechen* не становится по этой причине точным эквивалентом *og'ir jinoyat*. Для переноса категории в перевод необходимо учитывать критерий её выделения в исходной правовой системе. Языковая форма обозначает результат классификации, но сама по себе не объясняет выбор законодателем её границ.

Внутренняя форма термина также не равна его полному содержанию. Компоненты *Straf-* и *Tat* в слове *Straftat* делают связь деяния с наказанием формально заметной. Однако отсутствие аналогичного компонента в *jinoyat* не означает отсутствия признака наказуемости, поскольку он закреплён в статье 14 Уголовного кодекса Республики Узбекистан [4, ст. 14]. Сходным образом слово *Täter* в контексте § 25 Уголовного кодекса Германии обозначает лицо в нормативно определённом отношении к совершению деяния. Его нельзя

считать юридически нейтральным только на основании связи с обозначением действия [6, § 25]. Сопоставление внутренней формы выявляет различия в мотивированности наименований, но не позволяет без дополнительного материала судить о содержании национального правосознания.

Обсуждение. Лингвокогнитивная значимость сопоставления состоит в выявлении отношений между языковой формой и знаниями, необходимыми для её понимания. В рассмотренном материале часть признаков выражена компонентами слова, часть раскрыта законодательным определением, а часть задана процедурой исследования. Фреймовое описание делает эти различия явными. Вместе с тем полученные результаты не доказывают преобладания особых моделей мышления или метафор в одном из языков. Установление подобных закономерностей потребовало бы отдельного сопоставимого корпуса и самостоятельных критериев анализа.

Закключение. Рассмотренные примеры позволяют разграничить три типа расхождений: различие строения наименований при сопоставимом содержании, несовпадение нормативных признаков близких правовых категорий и различие операциональных определений исследовательских показателей. Первый тип обнаруживается при передаче *Kriminalitätsfurcht* словосочетанием. Второй выявляется при сопоставлении *Diebstahl* с о'g'rilik и категорий тяжести деяний. Третий раскрывается через условия интерпретации *Anzeigequote*. Эти расхождения требуют разных способов анализа и не должны объединяться под общим обозначением безэквивалентности.

На практике это важно для двуязычных словарей и учебных материалов для юристов и курсантов. При термине полезно указывать не только эквивалент, но и тип возможного расхождения. Судя по рассмотренным примерам, такая пометка предупреждает ошибки чаще, чем поиск идеального однословного соответствия. Насколько подход применим к более широкому материалу, например к терминологии уголовного процесса, должна показать дальнейшая работа.

Список литературы

1. Dadaboyev H. O'zbek terminologiyasi: o'quv qo'llanma. Toshkent. Yoshlar nashriyot uyi, 2020. 136 b.
2. Busse D. Semantik des Rechts: Bedeutungstheorien und deren Relevanz für Rechtstheorie und Rechtspraxis // Handbuch Sprache im Recht / hrsg. von E. Felder, F. Vogel. Berlin ; Boston: De Gruyter, 2017. S. 22-44.
3. Болдырев Н. Н. Когнитивная специфика языковой интерпретации знаний // Вестник КазНУ. Серия филологическая. 2011. № 3 (133). С. 11-18.
4. O'zbekiston Respublikasining Jinoyat kodeksi: 22.09.1994. URL: <https://lex.uz/acts/111453>
5. Huquqbuzarliklar profilaktikasi to'g'risida : O'zbekiston Respublikasining 14.05.2014 yildagi O'RQ-371-son Qonuni. URL: <https://lex.uz/docs/2387357>
6. Strafgesetzbuch (StGB) in der Fassung der Bekanntmachung vom 13.11.1998. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/>

7. Sicherheit und Kriminalität in Deutschland (SKiD) : Studie / Bundeskriminalamt. URL: <https://skid.bka.de/Studie.html>
8. SKiD: Glossar / Bundeskriminalamt. URL: <https://skid.bka.de/Glossar.html>